

виться со своими преследователями — с Отом и Эфиальтом (у Пиндара) и с Алфеем (у Телесиллы). Ведь именно так она поступила с Буфагом, который, как и последние, осмелился на нее посягнуть: «Говорят, что Артемида поразила своей стрелой Буфага на горе Фолое, дерзнувшего посягнуть на богиню» (Пер. С. П. Кондратьева. Павс. VIII. 27, 17).

Безусловно, и Пиндару, и Телесилле были хорошо знакомы основные функции и важнейшие места культа богини Артемиды. Не менее известен был им и ее грозный поэтический образ у Гомера. Однако наряду с этим, вне всякого сомнения, тем же поэтам были отлично известны и фольклорные мотивы, бытующие в народе независимо от рассказов о богах — о том, как девушка, спасаясь от преследования мужчины, скрывается в толпе себе подобных, или, как человек, попавший в трудное положение, хитростью заставляет опасных противников сражаться и убивать друг друга. И вот поэты с успехом используют эти увлекательные мотивы в традиционном материале поэзии, перенося их с безымянных народных образов на богиню из олимпийского пантеона.

Таким образом, сюжеты, введенные Пиндаром и Телесиллой, представляют собой поэтическую обработку универсальных фольклорных мотивов, в результате чего в их произведениях и возникают новые черты в облике богини, отличающиеся от ее грозного первообраза у Гомера, в основном определившего позднюю традицию.

Е. В. СМЫКОВ

Марк Антоний и политика *clementia Caesaris*

В ноябре 42 г. до н. э. в битве при Филиппах была уничтожена последняя армия Римской республики.

*Cum fracta virtus et minaces
Turpe solum fetigere mento.*

«В тот день и мужество низвергнулось в борьбе,
И грозные бойцы в крови легли во прахе», —

писал позже Гораций, в молодости отдавший дань республиканским увлечениям (Ног. Сarg. II. 7. 11—12. Пер. А. А. Фета). Республиканцы, уцелевшие в сражении и не попавшие в руки победителей, искали спасения в бегстве на острова Средиземного моря, в Малую Азию и к парфянам.

Римская республика как реальная политическая сила перестала существовать¹.

По заключенному после сражения договору Марк Антоний получил в свое ведение урегулирование дел на Востоке, куда он и отбыл в начале 41 г., имея ближайшей целью сбор денег для уплаты легионам². Начался новый, очень важный и сложный период его биографии, период, реальное содержание которого подверглось наибольшим искажениям и фальсификации в духе позднейшей официальной пропаганды.

Наши источники (за исключением Плутарха) сравнительно мало говорят о деятельности Антония на Востоке в 41—36 гг. до н. э.; но и данные Плутарха для этого промежутка времени имеют весьма относительную ценность, поскольку его интересует в первую очередь «скаandalная хроника» александрийского двора, и он весьма усердно повторяет все сплетни и слухи об Антонии и Клеопатре, распущенные в свое время их политическими противниками с тем, чтобы опорочить Антония и противопоставить ему его коллегу по триумвирату. Тенденция эта выражена Плутархом со всей отчетливостью: «В Риме Цезарь (Октавиан. — Е. С.) был изнуряем смутами и войной, а он сам (Антоний), вернувшись к прежнему образу жизни и страстям, вполне наслаждался покоем и миром» (Plut. Ant. 24). За Плутархом часто следуют и современные историки, даже не пытаясь вскрыть политический смысл поведения триумвира на Востоке³.

Более объективную картину можно получить, используя в комплексе сообщения античных авторов и данные, полученные из нумизматических и эпиграфических источников.

Довольно подробную информацию о деятельности Антония на Востоке в 41 г. до н. э. содержит сочинение Аппиана (App. BC. V. 2—12). Его рассказ ценен, во-первых, тем, что довольно полно освещает промежуток времени от прибытия Антония на Восток до встречи его с Клеопатрой, о котором поч-

¹ Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 88; Bengtson H. Marcus Antonius: Triumvir und Herrscher des Orients. München, 1978. S. 150; В. С. Сергеев последней организованной силой Республики считает флоты Секста Помпея и Домиция Агенобарба. См.: Сергеев В. С. Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. I. С. 356—357.

² Конец 42 г. Антоний провел в Греции (Plut. Ant. 24). Г. Бенгтсон считает, что он хотел собрать деньги и здесь, но оставил это намерение, поняв, что поживиться в ней нечем. См.: Bengtson H. Op. cit. S. 156.

³ См.: Бабст И. Антоний и Клеопатра // Пропаганды. М., 1854. Т. 4. С. 179; Кравчук А. Закат Птолемея. М., 1973. С. 158; Groebe P. Antonius... Der Triumvir // RE. 1894. Hbd. 2. Sp. 2605.

ти ничего не говорится у Плутарха, а, во-вторых, он свободен от столь любимых Плутархом дешевых эффектов и моралистических сентенций⁴.

Согласно Аппиану, Антонию сдались находившиеся на Востоке остатки республиканской армии; он помиловал всех, кроме непосредственных участников убийства Цезаря (App. BC. V. 4). Капитулировали и республиканцы, нашедшие прибежище на острове Фасос, передав при этом в руки победителя «сколько было на Фасосе денег и оружия, много продовольствия и большое количество других припасов» (App. BC. IV. 136) Часть прощенных врагов сразу же перешла к нему на службу; некоторые из них в дальнейшем входили в ближайшее окружение триумвира⁵.

Такое отношение к приверженцам враждебной партии не было обычным в период гражданских войн в Риме (достаточно вспомнить, что в Италии в 41 г. еще продолжались кровавые проскрипции триумвиров), да и сам Антоний отнюдь не отличался кроткостью и великодушием, что видно хотя бы на примере Цицерона, которого не спасли ни слава оратора, ни, может быть мнимое, заступничество Октавиана. Очевидно, причины снисходительности к республиканцам лежат не в его личных качествах, и нужно искать другое объяснение.

До Антония за всю историю гражданских войн в Риме один только Цезарь «позволил себе роскошь быть милостивым к побежденным»⁶. Это был Цезарь. В работах, посвященных исследованию его деятельности, неоднократно указывалось, что милосердие это было связано не столько с положительными сторонами его характера, сколько с политическими расчетами⁷. Цезарь откровенно писал своим друзьям: «Пусть это будет новый способ побеждать — укрепляться состраданием и милосердием» (*misericordia et liberalitate* (Cic. Ad Att. IX. 7 с. 1—2). Обстоятельную характеристику

⁴ Как писал Маркс, «у него моралистическая манера убивает всякое теоретическое и практическое бескорыстие... Даже превращение целого народа в навозную кучу дает желанный повод к тому, чтобы предаться сладостным морализующим мечтаниям» // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 76.

⁵ К ним относятся, например, Гн. Домиций Агенобарб, предок императора Нерона, и Кв. Деллий, автор не дошедших до нас мемуаров.

⁶ Борухович В. Г. После мартовских ил 44 г. до н. э. // Античный мир и археология. Саратов, 1983. Вып. 5. С. 123.

⁷ Ковалев С. И. История Рима Л., 1986. С. 440; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1950. С. 357; Утченко С. Л. Юлий Цезарь. М., 1984. С. 293, 296.

clementia Caesaris дал С. Л. Утченко⁸; он отмечал, что политика эта оказалась очень действенной в военных условиях и способствовала складыванию общественного мнения Италии в пользу Цезаря и массовым дезертирствам из республиканской армии в его собственную.

Таким образом, Антонию на Востоке великолепно удалось применить опыт своего гениального предшественника; результаты не замедлили сказаться — он в короткий срок прибрал к рукам остатки республиканской армии; особенно важно то, что при этом удалось избежать военных действий и вмешательства в них парфян, подстрекаемых Лабием, послем Брута и Кассия при дворе парфянского царя (*Iust. XLII. 4. 7; Dio Cass. XLVII. 24*). В дальнейшем эта же политика сделала возможным присоединение к армии Антония республиканского флота Гн. Домиция Агенобарба (*App. BC. V. 55; Dio Cass. XLVIII. 29.2; Suet. Nero. 3*)⁹.

Большое значение имела политика Антония и для его борьбы за главенство в цезарианской партии. Вопрос о том, кто из двух вождей партии — Антоний, за которым была слава соратника Цезаря и победителя при Филиппах, или Октавиан, «молодой Цезарь», за которым не было блеска военных побед, но зато он носил прославленное имя, — будет в глазах армии наследником великого диктатора, стоял очень остро. В этой борьбе за статус политического наследника Цезаря в ход шло все¹⁰, и *clementia* была, несомненно, сильным козырем в руках Антония именно из-за следования политическим традициям диктатора.

Однако еще более важным делом, чем отношения с остатками республиканцев, была для Антония выработка политической линии по отношению к зависимым от Рима царствам и малоазийским полисам. К этой стороне его деятельности античные авторы наиболее беспощадны. В их изображении действия Антония абсолютно произвольны, лишены логики

---

⁸ Утченко С. Л. Указ соч. С. 293—297.

⁹ Впрочем, имя Антония пользовалось уважением у республиканцев еще до битвы при Филиппах: Брут возражал против того, чтобы убить его вместе с Цезарем (*Plut. Ant. 13; Brut. 18*), а после Филипп пленные, встречая презрительным молчанием Октавиана, величали его коллегу императором.

¹⁰ Л. Кеппи полагает, что этой цели служило даже распределение легионов между Антонием и Октавианом после Филипп; по его мнению, статус наследника Цезаря должно было подчеркнуть число старых цезаревых легионов в армии каждого из триумфиров. См.: Kappie L. The making of the Roman army. Totowa (N. J.), 1984. P. 133 f.

и вообще приличны для восточного деспота гораздо больше, чем для римского полководца. Дион Кассий утверждает, что он, переправившись «на азиатский материк... к одним придя сам, а к другим послав, облагал контрибуцией города и продавал царства» (Dio Cass. XLVIII. 24. 1); Плутарх говорит о том, что после прибытия в Азию Антония стали осаждать цари, а царицы соперничали между собой, помогаясь его благосклонности (Plut. Ant. 24). В целом сведения об этом периоде политической биографии триумвира наполнены анекдотами и скандальными подробностями, относящимися больше к его образу жизни, чем к политике; однако некоторые существенные детали содержатся и в этой крайне тенденциозной и враждебной Антонию информации.

На время резиденцией Антония в Азии стал Эфес — город, в который он собрал представителей населения провинции и выступил перед ними с речью (App. BC. V. 4)¹¹. Его въезд в город сопровождался пышной церемонией, в которой сам он изображал Диониса (Plut. Ant. 24). Довольно часто историки просто констатируют этот факт¹², или сводят все к субъективным моментам — желанию Антония подражать эллинистическим монархам¹³, тому, что он чувствовал себя земной копией Диониса¹⁴, или, не веря всерьез в свою божественность, играл роль подобно актерам греческой комедии¹⁵. С таким подходом трудно согласиться полностью, потому что он не учитывает совсем или учитывает лишь в незначительной степени политическую обстановку и религиозные традиции Востока. В этом регионе обожествление правителей имело уже многовековую историю, и эллинистические монархи, получая божеские почести, находились под влиянием местных традиций¹⁶. Римляне, соприкоснувшись

---

¹¹ Дж. Линдсей расценивает это событие, как создание «провинциального собрания Азии». См.: Lindsay J. Marc Antony. His World and his Contemporaries. L., 1936.

¹² Бабст И. Указ. соч. С. 179; Кравчук А. Указ. соч. С. 158.

¹³ Свенцицкая И. С. Марк Антоний и малоазийские полисы // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 124—127.

¹⁴ Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 341.

¹⁵ Smethurst S. E. Marc Antony — reluctant politician // Thought from the Learned Societies of Canada. Toronto, 1960, P. 165.

¹⁶ Дж. Линдсей замечает по этому поводу: «Азиатские города имели в обычае воздавать божественные почести даже посредственным правителям, их обращение к Антонию было только немногим более эффективным, чем обычно» (Lindsay J. Op. cit. P. 223).

с Востоком, также не избежали воздействия этих обычаев, как и греко-македонские завоеватели задолго до них. Отсюда-то и происходят божеские почести, которые получали в Греции и на Востоке римские полководцы, например Тит Квинций Фламиний (первый римлянин, удостоенный этой чести)¹⁷, Сулла, Цезарь. На основании этих фактов И. С. Свенцицкая делает справедливый вывод о том, что основой обожествления Антония могли послужить традиции местных культов и пример Цезаря¹⁸.

Но почему именно Дионис, а не какое-нибудь другое божество? По мнению И. С. Свенцицкой, этот бог был наиболее чужд римской религиозности (в доказательство этого она ссылается на то, что в свое время (!) в Риме было издано постановление Сената, запрещающее вакханалии), а разрыв с римскими традициями, как она полагает, стал для Антония естественным на эллинистическом Востоке.

Однако эту точку зрения факты не подтверждают. Разрыв Антония с римскими традициями произошел гораздо позже— после его неудачного парфянского похода, где-то в 36—35 гг. до н. э., когда изменился этнический состав его армии, и жители Востока составили в ней значительную часть, а на Западе Октавиан получил полное преобладание. Что касается отношения римской религиозности к культу Диониса, то здесь нелишне внести небольшое уточнение: сенат принял постановление о запрещении вакханалий в 186 г. до н. э. (Liv. XXIX. 8. 18; CIL. 12. 681). Это было время, когда превращение Рима в великую средиземноморскую державу еще только начиналось, и в нем самым сильным были консервативные настроения. За те без малого 150 лет, которые прошли со времени принятия этого сенатусконсульта, в сознании римлян, в том числе и в их отношении к иноземным божествам, произошли большие изменения. Дионис, в частности, стал отождествляться с Либером, очень почитаемым в Риме богом¹⁹. Популярность Либера еще усилилась в конце Республики, когда борющиеся за власть полководцы отождествляли себя с Либером-Дионисом, несущим «золотой век»²⁰. Следовательно—

¹⁷ Машкин Н. А. Указ. соч. С. 193.

¹⁸ Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 126.

¹⁹ Именно об Антонии-Либере, а не о Дионисе или Вакхе говорит Веллей Патеркул, которого от Антония отделяет всего несколько десятилетий (Vell. II 82).

²⁰ Штаерман Е. М. Либер // Мифы народов мира. М., 1982. Т. 2. С. 53.

но, ничего оскорбительного для римлян в персонификации Антония именно как Диониса не было.

В то же время в Малой Азии Дионис был одним из самых почитаемых божеств, с которым особенно охотно отождествляли себя эллинистические монархи. Так, в 88 г. до н. э. в Пергаме состоялась церемония прижизненного апофеоза Митридата VI Евлатора, причем чествовался он как Дионис Освободитель²¹ (эпитет понятный, учитывая, что с именем Митридата в тот период были связаны надежды азиатских эллинов на освобождение от римского господства). Поэтому особый интерес представляют эпитеты, применявшиеся к Анто-

нию в Эфесе: его именовали Χαρίδοτης και Μειλχιος, то есть «Подателем радости и Источником милосердия». Разумеется, не случайно из нескольких десятков эпитетов Диониса²² были избраны именно эти; их политический смысл в особых комментариях не нуждается²³.

Антоний, видимо, сумел почувствовать связанные с ним надежды местного населения и воспользоваться ими. Уже сама пышная церемония его въезда в Эфес больше импонировала эллинизированным жителям восточных провинций, чем продвижения Брута и Кассия, «проповедывавших свободу и разоривших города»²⁴. Однако это первое благоприятное для Антония впечатление очень скоро должно было рассеяться — ведь по взятым на себя после битвы при Филиппах обязательствам он должен был раздобыть в и без того разоренной Азии деньги для уплаты легионам. Об этом он и заявил в произнесенной в Эфесе речи; содержание ее сообщает Аппиан (App. BC. V. 4—5). В данном случае нас прежде всего интересует словесное оформление этого требования. Заломив сум-

---

²¹ Неверов О. Я. Геммы античного мира. М., 1983. С. 78.

²² Перечень этих эпитетов см.: Sethe K. Dionysos // RE. 1903. Hbd. 9. Sp. 1026—1034.

²³ То, что чествование Антония на Востоке как Диониса не было случайным капризом или прихотью триумвира, показывает его дальнейшая религиозная политика; в качестве этого божества он выступает вплоть до своего окончательного поражения. В 38 г. в Афинах был даже отпразднован брак Антония-Диониса и Афины, в роли которой выступала Октавия (Dio Cass. XLVIII. 39. 2); на кистофорах, которые выпускал Антоний, присутствует вместе с символами Диониса его собственный портрет. См.: Babelon E. Description historique et chronologique des monnaies de la République Romaine. P., L., 1885. T. 1. P. 179. N 60, 61.

²⁴ Машкин Н. А. Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 217.

му в 200 тыс. талантов²⁵, он прибавляет: «А вам, услышавшим о такой нашей милости (т. е. о том, что с них взимается лишь эта сумма — Е. С.), я хочу сверх этого сказать: ни на одного из вас не налагается наказание, равное вашей вине» (App. BC. V. 5). Таким образом, даже эти непомерные требования выдавались Антонием за милость по отношению к местному населению.

Этому выступлению триумвира по своей направленности соответствует и приводимый Иосифом Флавием любопытный документ — эдикт Антония, адресованный «первосвященнику и этнарху Гиркану и народу иудейскому» (Jos. Antt. Iud. XIV. 12). В начале его говорится о разорении Азии войсками Брута и Кассия, которые прошли по ней не «шадя городов и не соблюдая данных клятв», а затем, после сообщения о разгроме республиканцев, следует заявление, которое можно назвать программным: «Покарав их, мы надеемся, что Азия наконец будет вкушать мирную жизнь и отдохнет от войн. Поэтому дарованный нам богом мир мы делаем принадлежащим и нашим союзникам; итак, ныне, благодаря нашей победе, тело Азии словно бы поправляется после тяжелой болезни».

Итак, на словах Антоний выставлял целью своей политики восстановление мира на Востоке, противопоставлял свои действия действиям республиканских полководцев. Закономерен вопрос: насколько соответствовала этим заявлениям его реальная политика? Обратимся к фактам.

Аппиан сообщает, что Антоний освободил от налогов и подарил те города и земли, которые оказали сопротивление республиканцам²⁶, вернул проданных ими в рабство тарсийцев, сделал территориальные уступки родосцам (App. BC. V. 7); Иосиф Флавий говорит о возвращении иудеям их собственности, которой они были лишены во времена Кассия, и об освобождении проданных в рабство иудеев (Antt. Iud. XIV. 12); наконец, мы имеем ряд документов, исходящих от самого Антония.

---

²⁵ Аппиан говорит о требовании выплатить *tributum* за 10 лет в течение одного года (т. е. ту же сумму, которую уже взыскали с Азии республиканцы); цифру 200 тыс. талантов приводит Плутарх (Plut. Ant. 24). Однако существуют сомнения в ее точности. См.: Ильинская Л. С. Роль восточных провинций Рима в период гражданских войн конца республики // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 219. Прим. 146.

²⁶ В сущности, это был лишь широкий жест: освобожденные от налогов города были настолько разорены республиканцами, что взять с них было нечего.

Известно письмо триумвира к находившимся в симполитии городам Афродисии и Пларасе, в котором он подтверждал привилегии, дарованные этим городам еще Юлием Цезарем — освобождение от податей, право полной власти над деревнями, местечками, укреплениями по границам, право асии для храма Афродиты на тех же условиях, что и у храма Артемиды Эфесской²⁷. В другом письме, адресованном «эллинам провинции Азия» (τοῖς κοινῶσι τῶν ἀλλο τῆς Ἀσίας Ἑλλήνων), он подтверждает привилегии, которые имела организация награжденных венками победителей священных игр всего греческого мира — освобождение от повинностей и военной службы, свободу от постоя, личную неприкосновенность; одного из прибывших к нему представителей, Марка Антония Артемидора, он настойчиво именует своим другом и учителем, подчеркивая, что выполняет просьбу организации ради него²⁸.

Вероятно, были и другие документы аналогичного содержания. Как справедливо отмечает Г. Бенгтсон, «во всем остальном (кроме сбора денег — Е. С.) Антоний, некоронованный царь Востока, был вполне великодушен»²⁹. Таким путем он надеялся привлечь на свою сторону местное население и обеспечить лояльность по отношению к своей власти с его стороны.

Вновь вспомним Цезаря. Его политика *clementia* в годы гражданской войны лишь окончательно оформилась; начало свое она берет на завершающем этапе галльских войн: «Когда Цезарь зимовал в Бельгии, у него там была лишь одна цель — сохранить дружбу населения и не дать никакой надежды или повода для войны... Поэтому он, к общинам от-

---

²⁷ OGIS, 453—457. Анализ этого документа см.: Свенцицкая Я. С. Указ. соч. С. 122—124. Вряд ли есть основания противопоставлять в данном случае действия Антония и Суллы: Антоний не имел нужды обращаться за санкцией сената, поскольку дело это входило в круг вопросов, связанный с «устройством государственных дел», и он, как *Triumvir rei publicae constituendae* мог решать его единолично.

²⁸ См.: Sherk B. K. *Roman Documents from the Greek East: Senatus Consulta and Epistulae to the of Augustus*. Baltimore, 1969. P. 290f (N57). Датировка этого письма вызывает сомнение у Г. Брандиса, относящего его к 32—31 гг. до н. э. См.: Brandis H. Ein Schreiben des Triumvirn Marcus Antonius den Landtag Asiens // *Hermes*. 1897. Bd. 32. S. 509—522. Однако содержание этого письма очень хорошо соотносится с данными античных авторов о пребывании Антония в Азии в 42—41 гг. и сомнения эти представляются малообоснованными.

²⁹ Bengtson H. *Op. cit.* S. 157.

носясь почтительно, вождам посылая богатые дары, не налагая никаких новых поборов и вообще улучшая условия подчинения, истощенную столь многими неудачными сражениями Галлию легко удерживал в мире». (Caes. B. G. VIII. 49). Сходство политики Цезаря и Антония несомненно.

Конечно, нельзя сказать, чтобы кто-нибудь из них отказался от традиционного взгляда на провинции как на «поместья римского народа»; но Цезарь, видимо, понимал, как важно иметь в провинциях опорные пункты не только военного, но и политического значения³⁰, и Антоний, входя в его окружение, перенял этот опыт и использовал в своей деятельности на Востоке.

Политика Антония, родственная *Clementia Caesaris*, с блеском себя оправдала. Оценивая политические результаты 42—41 гг., приходится признать, что стоявшие перед ним административные, военные и финансовые задачи были решены довольно успешно; при этом не имеет большого значения, принадлежала ли при их решении главная роль самому Антонию или экспертам его штаба (как считает Г. Бенгтсон)³¹ — последние, разумеется, не могли действовать вопреки воле своего командующего, и в любом случае общее направление их деятельности определял он сам. Политика, проводимая Антонием на Востоке в 42—41 гг., показывает, что несмотря на бурный темперамент и все странности причудливого характера, он обладал качествами незаурядного политика, которые и позволили ему в течение десяти лет вести борьбу за верховное господство над римским миром.

В. Н. ПАРФЕНОВ

К оценке военных реформ Августа¹

Достаточно давно и справедливо считается, что военные реформы Августа завершили процесс формирования постоян-

---

³⁰ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 219.

³¹ Bengtson H. Op. cit. S. 158.

¹ Статья представляет собой переработанный и расширенный вариант доклада, прочитанного на X Всесоюзной авторско-читательской конференции ВДИ АН СССР в 1987 г.